

# ЛІНГВОСТИЛІСТИКА

УДК 801.81:82'01

## ИСТОРИКО-ЛОГИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКЦИЯ ГЕНЕЗИСА ФОЛЬКЛОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

*А.А. Калита, докт. филол. наук, Л.И. Тараненко, канд. филол. наук (Киев)*

На основе накопленных фольклористикой и лингвистикой теоретических знаний и научных фактов в статье методом историко-логического анализа воссоздана ретроспективная картина генезиса фольклорных произведений. Путем дополнения недостающих исторических знаний логикой, основанной на диалектическом единстве развития языка и фольклора, сформирована универсальная авторская модель генезиса идей и средств организации текстов прозаических фольклорных жанров, способная также выполнять роль системного методологического инструментария для решения многоуровневых научных задач проблемы формирования полной научной картины развития литературы и литературной среды.

**Ключевые слова:** фольклорные жанры, историко-логический анализ, генезис, методологическая модель.

**Калита А.А., Тараненко Л.И. Историко-логічна ретроспекція генезису фольклорних творів.** На основі накопчених фольклористикою і лінгвістикою теоретичних знань і наукових фактів у статті методом історико-логічного аналізу відтворена ретроспективна картина генезису фольклорних творів. Шляхом доповнення відсутніх історичних знань логікою, базованою на діалектичній єдності розвитку мови та фольклору, сформовано універсальну авторську модель генезису ідей і засобів організації текстів прозових фольклорних жанрів, яка здатна також виконувати роль системного методологічного інструментарію для вирішення багаторівневих наукових завдань проблеми формування повної наукової картини розвитку літератури та літературного середовища.

**Ключові слова:** фольклорні жанри, історико-логічний аналіз, генезис, методологічна модель.

**Kalita A.A., Taranenko L.I. Historical-and-Logical Retrospective Review of Folklore Texts Genesis.** On the basis of theoretical knowledge and scientific facts accumulated by folklore and linguistics in the article with an application of logical-and-historical analysis the authors restore a retrospective picture of folklore texts genesis. Compensating the missing historical facts by the logic of a dialectical unity of language and folklore development, the authors form a universal model of the genesis of ideas and text organizing means of folklore prosaic genres. The suggested model can also serve as a systemic methodological tool for solving the multi-level scientific tasks explaining the formation of a comprehensive scientific picture of the development of literature and literary environment.

**Keywords:** folklore genres, historical-and-logical analysis, genesis, methodological model.

Проблема генезиса фольклорных произведений ненова. Множество составляющих ее важных аспектов, таких как историческая логика зарождения фольклорных жанров, специфика их становления и адаптации к культуре определенных социумов, причины метаморфоз их архетипических идей и мотивов, сюжетно-этнические параллели, интертекстуальные связи фольклорных произведений,

отражение в их текстах мировосприятия человека в определенные периоды истории и т.п., исследованы в наше время с различной степенью глубины и достоверности.

И, тем не менее, информация, накопленная фольклористикой и лингвистикой по этим вопросам, представляется вполне достаточной для воссоздания общих картин научного описания количе-

ственной и качественной сторон генезиса фольклорных произведений, методологическая актуальность моделирования которых вполне назрела. Решение этой проблемы и составило цель данного теоретико-методологического исследования.

Характеризуя поставленную проблему в целом, следует отметить, что Теодор Бенфей (1809–1881), основатель сравнительно-исторического подхода к фольклорным исследованиям, изучая ведические книги гимнов “Самаведа” и созданный в 3–4 вв. сборник древнеиндийских сказок и притч “Панчтантру”, обосновал “миграционную теорию” фольклорных жанров. Указанная теория получила еще два синонимических названия: теория заимствования и теория бродячих, или странствующих сюжетов. Она рассматривала сходство фольклорных сюжетов разных народов мира как результат их культурно-исторического взаимодействия. Наиболее известными ее разработчиками считаются Т. Бенфей и Ф. Либрехт в Германии, А.Н. Пыпин, В.Ф. Миллер, В.В. Стасов в России [23, с. 99–100; 542–543].

Автор этой теории считал Индию прародиной большинства западных фольклорных сюжетов и эпических образов. Он предполагал, что сказки пришли в Европу благодаря двум обстоятельствам, с завоеванием арабами Испании и наплыву левантских торговцев в Византийскую империю. Важным фактором он считал также Монгольское нашествие, принесшее сказки в восточную Европу [51, с. 56]. Известно, что последователем Т. Бенфея, скорректировавшим многие его положения, стал А.Н. Веселовский, описавший сюжетные формы как постоянные величины, созданные в доисторические времена коллективной психикой человека и доминирующие с тех пор над творческой личностью [11, с. 301–305]. В России основные положения миграционной теории использовали в своих научных изысканиях Г.Н. Потанин, И.Н. Жданов, А.М. Лобода, А.И. Кирпичников, М.Г. Халанский, С.Ф. Ольденбург, Ф.И. Буслаев, В.Ф. Миллер и др. В других странах идеи этой теории разделяли Р. Келер, М. Ландау, И. Больге (Германия); Г. Парис, Э. Коскен (Франция); А. Клаустон (Анг-

лия); А. д’ Анкона, Д. Компаретти (Италия); Й. Поливка (Чехия) [23, с. 543].

Апеллируя к идее полигенетического происхождения сказок и, тем не менее, разделяя в основе своей утверждения Т. Бенфея о миграции фольклора и влиянии на него культур конкретных народностей, Джозеф Бедье подчеркивал, что о подобию фольклорных произведений можно говорить только в общих чертах [51, с. 56]. Дальнейшее рассмотрение тонкостей возникших по этому поводу дискуссий представляется нам излишним, поскольку в любом случае мы получим основания считать, что в историко-логическом анализе доминирует его логический аспект, а, следовательно, существование феномена миграции фольклорных сюжетов вряд ли может быть оспоримо.

В процессе научного познания не был оставлен в стороне и вопрос специфики становления фольклорных произведений как второй [43, с. 107] после зарождения стадии генезиса, приводящий к их определенному состоянию. Так, в качестве источника сюжетных архетипов и архетипических образов принято [48, с. 335, 350–351; 14, с. 244, 251; 23, с. 562, 566; 5, с. 19, 26, 38; 10, с. 32–34; 3, с. 21–23; 6, с. 45; 11, с. 40–41, 107, 140–141, 167–168, 230; 25, с. 452–453; 51, с. 55; 45, с. 96; 24, с. 18–19, 125; 18, с. 8; 31; 28, с. 5–68; 29, с. 54; 27, с. 58; 33, с. 15; 53; 52, с. 562, 574; 17, с. 33 и др.] рассматривать мифы разных народов: космогонические (о происхождении мира), антропогонические (о происхождении человека), теогонические (о происхождении богов), календарные (о смене времен года), эсхатологические (о конце света) и т.п. При этом большинство исследователей [30, с. 8–11, 372; 40, с. 5; 6, с. 45] прямо или косвенно подразумевают под универсальным явлением мифологизма творческие процессы поиска максимально семантически насыщенных образов духовной и практической деятельности человека, несущих суггестивную энергетiku примеров для подражания.

Дальнейшие исследования показали, что в силу этих особенностей мифологизма, в процессе развития и становления фольклорных произведений неизбежно возникают альтернативные феномены

метаморфоз, характеризуються двома рівнями преобразования, с. функціональним і структурним. При цьому функціональні преобразования в якості крайньої своєї діалектичної границі можуть досягати трансформації ідеї фольклорного произведения до її прямої протилежності, як це справедливо відмічено в роботі [3, с. 42–43]. Результатами ж структурних преобразовань можуть бути змінення самого жанра фольклорного произведения, його сюжету, мотивів, дійсуючих осіб і т.п. Так, на явлення прямої і зворотної трансформації окремих груп сродних жанрів звертається увага в роботах [30, с. 8, 277; 37, с. 29; 34, с. 483; 38, с. 460; 20, с. 207; 41, с. 59; 35, с. 3–16; 18, с. 146–148; 7, с. 241–243; 3, с. 41, 44–46; 46, с. 99; 51, с. 55, 59 і др.]. К характерним ознакам метаморфоз автори відносять, перш за все, розширення (пряма трансформація) або скорочення (зворотна трансформація) сюжетно-фабульної основи вихідних фольклорних текстів. Дослідженнями встановлено (см., напр., [11, с. 28–29; 12, с. 507–518; 23, с. 467–468; 25, с. 453; 30, с. 262–277; 36; 21, с. 56–57; 32, с. 11–12; 51, с. 59; 55, с. 254]), що аналогічним метаморфозам підврені також мотиви, ідей, дійсуючі особи і інші різноприродні елементи фольклорних текстів (напр., наставлення), реалізуючі окремі функції.

По цьому поводу в роботі [8, с. 252, 256–257] вповне справедливо відзначається, що явлення метаморфози первичних (простих) жанрів, сложившихся в умовах непрямого речевого спілкування, во вторичні породжує виникаючі між ними інтертекстуальні зв'язи.

Специфічною особливістю описуваних трансформацій являється те, що в фольклорних жанрах на основі кінцевого числа сюжетів розвивається практично неограниченне кількість їх альтернативних варіантів [51, с. 59], всередині яких спостерігається аналогічна більш широка варіація взаємодії мотивів, мовних засобів оформлення самих текстів і т.п.

Природа і механізми таких варіацій розглядалися фрагментарно багатьма дослідниками

[1, с. 877–878; 5, с. 283–284; 11, с. 155–165, 230, 246; 3, с. 44–46; 17, с. 37; 36; 44, с. 221–222; 51, с. 59; 54, с. 123]. Обобщення продуцираних ними ідей дозволяє утверждати, що вівідними факторами виникнення всіх без виключення видів аналізованих вище трансформацій, здійснюваних на основі відповідних варіацій, являється неминуче поступальне історичне розвиток етнокультурної соціальної середовища, в якій функціонують фольклорні произведения. При цьому метаморфози конкретно взятих компонентів фольклорних произведения слід також об'єктивно співвідносити з двома рівнями причин їх походження: зовнішніми і внутрішніми, о чому переконливо свідчать автори ряду робіт [23, с. 468; 54, с. 123].

Викладене свідчить на користь назревшої об'єктивної необхідності пошуку графічних образів, розкриваючих сутність найбільш важливих для моделювання механізмів історичного протікання процесу саморозвитку фольклорних произведения.

Розробляючи стратегію такого моделювання, ми використовували апробовані в роботі [13, с. 77–80] методологічні постулати, закладені в основу реалізації окремих тактичних етапів її здійснення:

1) всі без виключення літературні произведения створюються в відповідності з всеохоплюючим законом їх ієрархічного побудови – законом синархії;

2) процеси створення фольклорних произведения підкоряються закону автономії загального порядку, в відповідності з яким вони, маючи повну самостійність, зв'язуються мовою як єдинством цілого;

3) будь-яка ідея, лежача як ноумен в основі фольклорного произведения, нескінченна, а форма актуалізуючого її конкретного тексту являється феноменом;

4) ієрархія жанрів фольклорних текстів характеризується зростанням їх синархічності по розміру, складності і якості;

5) в межах можливої синархічною нескінченності

нечной дифференциации единства фольклорных произведений возникали и могут возникать определенные иерархии их множеств (например, группы текстов конкретных жанров, прагматической направленности и т.д.).

Обоснование искомой нами универсальной модели базировалось на обобщении результатов существующих историко-логических ретроспекций генезиса фольклорных текстов. При этом в слу-

чае отсутствия фактов непосредственно исторической ретроспекции восстановление гипотетических картин генезиса их текстов производилось на основе анализа метаморфоз их возникавших вариантов, зафиксированных в письменных источниках.

Сформированная с применением указанного теоретического инструментария универсальная модель генезиса фольклорных произведений изображена на рис. 1.

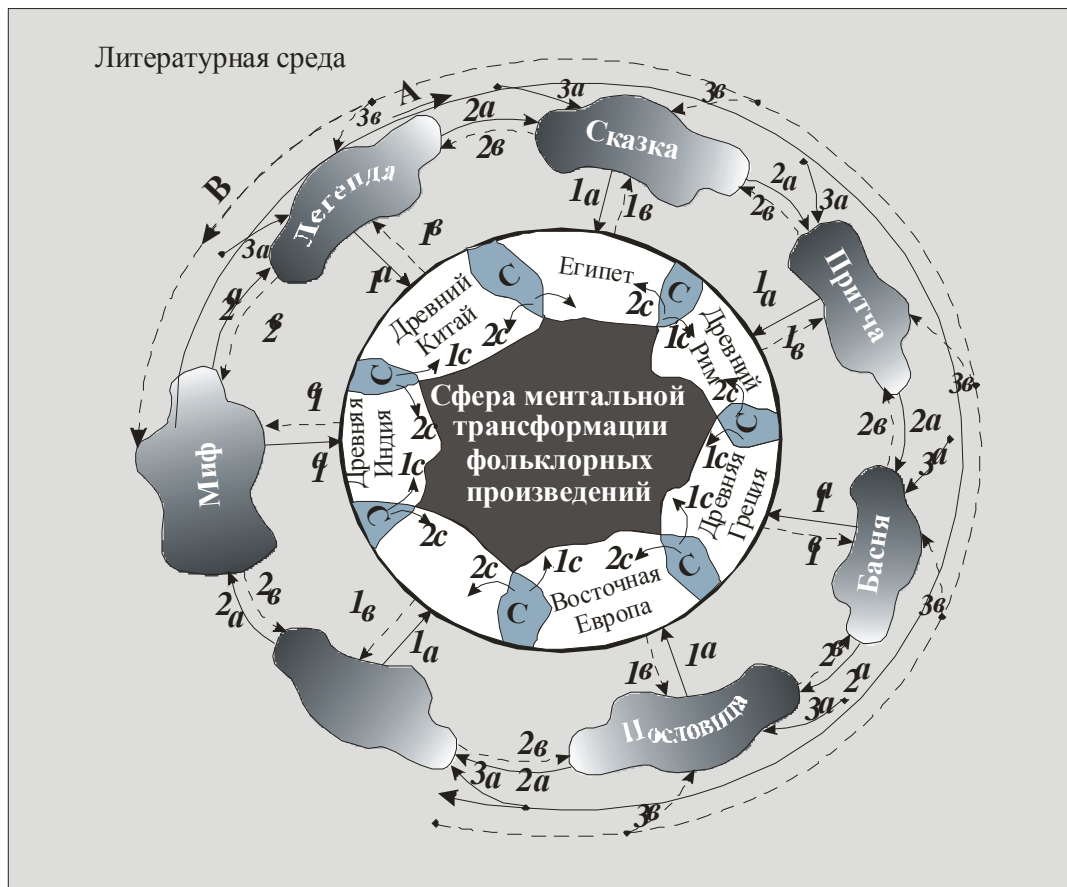


Рис. 1. Универсальная модель генезиса идей и средств организации текстов фольклорных прозаических жанров

Отметим здесь, что весьма интересной с позиции постулата 4 представилась закономерность возрастания синархичности фольклорных жанров от мифа до поговорки и загадки. Интересно именно то, что по мере сокращения объема текста фольклорных произведений отмечалось возрастание синархии когнитивной нагрузки на мышление реци-

пиента в процессе их декодирования, о чем свидетельствуют результаты многочисленных исследований [37, с. 29; 25, с. 452–453; 23, с. 154, 467; 3, с. 21; 41, с. 10, 14, 29; 18, с. 166].

Далее напомним лишь, что при этом неоднозначными являются как существующие в научной литературе представления исследователей о воз-

возможности выявления архетипа текстов фольклорных произведений, так и их мнения об исторической последовательности и логике генезиса самого архетипа в другие формы или жанры фольклора.

Что же касается вопроса первородности определенного жанра, то и здесь спектр мнений весьма широк. Так, в публикации [9, с. 6] утверждается, что первоосновой целого ряда нарративных жанров религиозной словесности являются сказания как легендарно историческое предание, отделившееся от донарративного мифологического предания, притча и житие. С точки зрения автора работы [19, с. 22–23], сказание, притча и анекдот являются тремя первичными в типологическом отношении устными прахудожественными жанрами. Существует также мнение [41, с. 10] о том, что притча является одним из самых древних речевых жанров. Однако под многозначное понятие притчи большинство авторов [6, с. 45; 20, с. 204; 41, с. 10, 29] зачастую подводят поучения, басни, загадки, пословицы.

Ряд ученых [37, с. 29; 41, с. 14, 59] считают, что у истоков притчи как жанра стояла именно пословица. Сюда же можно отнести высказывание [18, с. 148] о том, что сказка о человеческом веке эволюционирует от легенды к притче.

Вполне отдавая себе отчет в том, что указанная проблема по определению своему не может быть решена однозначно, мы, как минимум, вынуждены признать доказательным факт существования прямой и реверсивной трансформации определенных исходных форм эпоса в последующие. Этой логики достаточно для понимания того, что отдельные этапы или циклы генезиса конкретно взятых прозаических фольклорных произведений также должны иметь прямой или реверсивный характер.

И, тем не менее, у нас нет оснований игнорировать точку зрения [7, с. 241; 44, с. 14; 47, с. 22; 49, с. 4], согласно которой мифологи, возводя сюжеты к прасюжету, понимали под сюжетами мифы, отстаивали тезис о “первоначальной адекватности мифического выражения с действительностью, какой она представлялась сознанию лица или на-

рода, его образовавшего” (цит. за [44, с. 15]) и видели культурную ценность архаического мифа в его универсальной “прототипичности” [3, с. 23].

Эти и приведенные выше рассуждения свидетельствуют, что при таком подходе проблема иерархии жанров фольклорных произведений не может быть решена в конкретно-историческом смысле. Однако становится вполне понятным, что процесс трансформации фольклорных текстов в любом случае должен отражать неизбежную реальность диалектического развития живого языка, т.е. генезис как последовательность этапов их развития.

Проведенный нами анализ известных теоретических положений и соотнесение их с текстово-эмпирическими фактами, во-первых, подтверждает рациональность принятия мифа за исходную архетипическую модель, способную насыщать идеями все последующие формы и жанры фольклорных произведений, во-вторых, показывает целесообразность принятия условной последовательности трансформации идей и средств организации текстов фольклорных прозаических жанров в такой последовательности: миф > легенда > сказка > притча > басня > пословица > поговорка > загадка. Здесь под условностью подразумевается отмеченная выше практическая невозможность осуществления исчерпывающей ретроспекции и логическая реверсивность этапов трансформации в генезисе фольклорных произведений.

В сформированной нами модели, как это показано на рис. 1, выделено два спонтанно-взаимодействующих уровня генезиса фольклорных прозаических жанров, с глобальной надкультурной сферой их дописьменной реализации носителями-интерпретаторами этико-дидактических идей и сферой ментальной трансформации идей и средств организации их текстов. Описываемая таким образом сложная система, состоящая из двух соответствующих подсистем или сфер, эволюционирует в окружающей литературной среде, аккумулирующей в каждый конкретный период истории социоэтническую специфику мышления представителей различных территорий или стран в общечеловеческую культуру.

Известно, что произведения фольклорного жанра, функционирующие в любой территориально-этнической культуре, неизменно проходят определенные стадии своего генезиса. Мнения исследователей, относящиеся к количеству таких стадий, различны. Так, в трудах [11, с. 22, 48, 155–157] выделяются две стадии или эпохи: “синкретизма” и “личного творчества”. В отличие от него, в работе [26, с. 314] описываются две иные стадии: “эстетика тождества” и “эстетика противопоставления”. Однако большинство исследователей используют (см., напр., [2, с. 107–109, 150]), предложенную в источнике [50], трехчастную периодизацию: первая стадия развития, именуемая по-разному – эпоха синкретизма, дорефлексивного традиционализма, архаическая, мифопоэтическая – и охватывающая времена от возникновения предискусства до классической античности; вторая стадия (эпоха рефлексивного традиционализма, традиционалистская, риторическая, эйдетическая поэтика), относящаяся к 7–6 вв. до н.э. в Греции и к первым векам н.э. на Востоке; третья (нетрадиционалистская, индивидуально-творческая, поэтика художественной модальности), складывавшая со середины 18 в. в Европе и с начала 20 в. на Востоке [23, с. 325].

Абстрагируясь от исторического вектора рассматриваемого развития, акцентируем внимание на том, что, как это было показано выше, рассматриваемые нами фольклорные произведения претерпевали на этих стадиях различные по степени функциональные и структурные преобразования.

В этой связи, в первую очередь, следует упомянуть трансформацию идей и средств организации фольклорных произведений, вызванную стремлением большинства носителей той или иной культуры дистанцироваться от негативных сторон реальности, передаваемых мифами [39, с. 299]. В результате этого конкретные фольклорные произведения претерпевали, образно говоря, *внутренние* и *внешние* трансформации. Последствиями внутренней трансформации, осуществляемой в рамках конкретной территориально-этнической культуры, являлись, как правило, изменения функ-

ций, средств организации и структуры их текстов, а также прямая и реверсивная миграция архетипических идей внутри фольклорных жанров [5, с. 19–21]. Все указанные трансформации могли происходить как между смежными, так и далеко исторически отстоящими друг от друга жанрами [49, с. 7]. Механизм таких изменений отражен на модели стрелками, обозначенными номерами **1** и **2**. Так, элементы (идея, структурные компоненты, средства выражения и т.п.) любого произведения внутри конкретного фольклорного жанра, доходящего до слушателя в первородном оформлении (стрелка **1a**), изменялись пересказчиком в силу уже указанных причин, трансформируя тем самым произведение во время его следующей трансляции. Направления этих изменений обозначено на модели штриховой стрелкой **1b**. Кроме этого, авторы текстов ряда уже существующих в территориально-этнических культурах фольклорных жанров по тем же самым причинам осуществляли внешние трансформации их элементов на уровне различных жанров. В связи с этим, на модели стрелкой **2a** обозначена прямая трансформация элементов первичного жанра во вторичный, а стрелкой **2b** отмечена обратная трансформация.

Отдельно при этом следует отметить, что существенное влияние на потребность и форму реализации указанных трансформаций со всей очевидностью оказывали известные [4, с. 283–284; 5, с. 22; 22, с. 362; 36, с. 179; 42, с. 72–94] процессы культурного покрытия и ассимиляции, возникавшие в результате торгово-культурного обмена и территориально-этнических войн. Поскольку обязательными условиями назревания исторической необходимости таких трансформаций являлось наличие полей совпадения элементов взаимно ассимилирующих ментальных и речевых культур территориально-смежных этносов, то на модели эти поля обозначены буквой **C** и соответствующим тонированием. Именно из этих полей в культуры смежных территориально-этнических социумов и поступают (на модели – стрелки **1c** и **2c**) элементы подобных фольклорных произведений. При необходимости в случае наличия большего числа зон совпадения

полей ментальных и речевых культур, соотносимых исторически с большим количеством смежных территорий, модель может быть дополнена стрелками **3c** и т.д.

Рассматривая глобальную сферу, следует, прежде всего, акцентировать внимание на двоякой сущности глубинного единства литературной жизни человечества [23, с. 468]. Она заключается в способности индивидов, продуцирующих фольклор, отражать сущностное единство природы человека и социума, трансформирующееся под влиянием исторически развивающихся международных культурных связей. При этом, исходя из триединства расы, среды и момента, отмеченного в работе И. Тэна “История английской литературы” (1863–1864) [42, с. 81–86], мы будем понимать сложное духовно-диалектическое взаимодействие территориальных расово-этнических культур с глобальной международной литературной средой в определенные периоды исторического времени.

Процессы такого взаимодействия обозначены на модели рис. 1 соответствующими стрелками. Указанное в работах [23, с. 467, 479] поступательное движение литературного процесса, соответствующее основному направлению генезиса идей и средств организации текстов фольклорных жанров, показано на модели круговой стрелкой **A**. Конкретный же процесс трансформации идей и средств организации фольклорных произведений изображен на модели стрелками **3a**, обозначающими прямой перенос указанных элементов из мифов в каждый, наведенный на схеме, жанр. Траектории реверсивного переноса обозначены круговой стрелкой **B** и соответствующими штриховыми стрелками **3b**.

Отметим здесь, что, поскольку необходимость отображения реверсивного переноса диктуется универсальностью модели (ее способностью описывать также творческие процессы, присущие современной литературе), то не следует забывать, что на известных стадиях развития фольклорных текстов рассматриваемый реверсивный перенос не было в строгом смысле этого слова типичным, а скорее находилось в зачаточном состоянии.

Как и всякая модель, графическая интерпретация универсальной гипотетико-концептуальной модели (рис. 1), обоснованная нами в строгом соответствии с известными требованиями методологии моделирования [16, с. 94], позволяет объективно синтезировать следующую обобщенную логику генезиса фольклорных произведений.

Приняв гипотетически миф за исходных жанр фольклорных произведений, можно с достаточной для теоретического исследования вероятностью предположить, что заложенные в его основу идеи и мотивы в трансформированной форме заимствовались авторами или пересказчиками легенд, сказок, притч и т.д. При этом указанные заимствования равновероятно могли осуществляться по двум основным направлениям: как из мифа в легенду, из легенды в сказку и другие последовательно развивающиеся по модели жанры фольклора, так и в обратном последовательном или случайном порядке. Кроме того, вполне очевидно, что такая миграция идей и мотивов происходила и на ментальном уровне каждого из территориально-этнических социумов, и на более высоком глобальном уровне, начинающей формироваться литературной среды.

Не менее убедительно также то, что трансформации мотивов и средств организации структуры могли происходить, преимущественно, в сфере определенной территориально-этнической ментальности, а перенос идей восходил со временем до уровня литературной сферы. Характерна при этом и роль толкователей, инициировавших трансформацию элементов фольклорных произведений на обоих указанных уровнях: в ментальной сфере и на уровне литературной среды. И, конечно, вполне убедительно (о чем ярко свидетельствует широко известная технология создания современных литературных произведений) предположение, что прямой и реверсивный перенос компонентов одних жанров фольклорных произведений в другие зародился на ранних стадиях их генезиса.

Перспективность такого описания хорошо согласуется с современными представлениями отечественной философии о методологии моделиро-

вания непрерывного развития исследуемых объектов [15, с. 131–146]. В нашем конкретном случае оно позволило рассматривать генезис фольклорных прозаических жанров в фокусе диалектического единства взаимодействия и взаимосвязи его онто- и филогенезов. Иными словами, сформированная таким образом универсальная модель генезиса фольклорных прозаических жанров позволяет отображать не только обобщенную картину их развития, но и рассматривать на ее основании все без исключения стадии генезиса любого конкретного жанра: зарождение, становление, собственно развитие, завершение развития и скачкообразный переход на новый этап или уровень развития [15, с. 131], адекватно описываемые этой же моделью. Такой подход направлен на обеспечение преемственности в формировании научной картины генезиса фольклорных жанров как первого, исходного этапа общего процесса непрерывного развития произведений художественной литературы.

Резюмируя изложенное, отметим, что обоснованная на идее неразрывного диалектического единства развития языка и устного народного творчества путем историко-логической ретроспекции универсальная модель генезиса фольклорных произведений является перспективным теоретическим конструктом, поскольку, на наш взгляд, она может быть эффективно использована специалистами-гуманитариями в качестве своего рода методологического путеводителя при разработке стратегических и тактических подходов, а также приемов, методов и методик решения многоуровневых научных задач проблемы формирования полной научной картины развития литературы и литературной среды.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Мифы // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., Т. 4: Лакшин – Мураново / Гл. ред. А.А. Сурков. – М.: Сов. энцикл., 1967. – С. 876–881.  
2. Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / Сергей Сергеевич Аверинцев. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. – 448 с.  
3. Агранович С.З. Гармония – цель –

гармония: Художественное сознание в зеркале притчи / С.З. Агранович, И.В. Саморукова. – М.: Международный институт семьи и собственности, 1997. – 135 с.  
4. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии / сост., подготовка текста, статья, коммент. А.Л. Топоркова. – М.: Индрик, 1996. – 640 с.  
5. Афанасьев А.Н. Славянская мифология / Александр Афанасьев. – М.: ЭКСМО; СПб.: Мидгард, 2008. – 1520 с.  
6. Бальбуров Э.А. Притча в литературно-критическом и философском сознании XX – начала XXI веков / Э.А. Бальбуров, М.А. Бологова // Критика и семиотика. – Вып. 15. – 2011. – С. 43–59.  
7. Басни Эзопа / Перевод, статья и комментарии М.Л. Гаспарова. – М.: Наука, 1968. – 320 с.  
8. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Михаил Михайлович Бахтин / Сост. С.Г. Бочаров. – 2-е изд. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.  
9. Богачевська І.В. Притча як об’єкт релігієзнавчого дослідження / І.В. Богачевська // Вісник Житомирського державного університету. – 2011. – Вип. 59. Філософські науки. – С. 3–8.  
10. Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования; статьи / Фёдор Иванович Буслаев / Сост., вступ. статья, примеч. Э. Афанасьева. – М.: Худож. лит., 1990 – 512 с.  
11. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / Александр Николаевич Веселовский; составитель, автор комментария В.В. Мочалова. – М.: Высшая школа, 1989. – 405 с.  
12. Веселовский А.Н. Избранное. На пути к исторической поэтике / Александр Николаевич Веселовский. – М.: “Автокнига”, 2010. – 688 с.  
13. Калита А.А. Генезис жанрів художніх текстів / А.А. Калита, Л.І. Тараненко // Studia Methodologica. – Вип. 23. – Тернопіль: Редакційно-видавничий відділ ТНПУ ім. В. Гнатюка. – 2008. – С. 77–80.  
14. Кереньи К. Трикстер и древнегреческая мифология / К. Кереньи // Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К. Г. Юнга и К. К. Кереньи / Пер. с англ. Кирющенко В.В. – СПб.: Евразия, 1999. – С. 241–264.  
15. Клименюк А.В. Знание, познание, когниция, с. монография / Александр Валерианович Клименюк. – Тернополь: Підручники і посібники, 2010. – 304 с.  
16. Клименюк О.В. Методологія та методи наукового дослідження: навч. посібник / О.В. Клименюк. – К.: Міленіум, 2005. – 186 с.  
17. Колесник О.С. Міфологічний простір крізь призму мови та культури: монографія / Олександр Сергійович Колесник. – Чернівці: РВВ ЧНПУ імені Т.Г. Шевченка, 2011. – 312 с.  
18. Костюхин Е.А. Типы и формы животного эпоса / Евгений Алексеевич Костюхин. – М.: Наука, 1987. – 270 с.  
19. Кузне-



- цов И.В. Коммуникативная стратегия притчи в русских повестях XVII-XIX веков : монография / Илья Владимирович Кузнецов. – Новосибирск : Изд-во НИПК и ПРО, 2003. – 166 с. 20. Кушнарера Л.И. Притча как жанр / Л.И. Кушнарера // Материалы Международной научной конференции “Язык. Этнос. сознание” (24–25 апреля 2003 г.). – 2003. – Том 2. – Майкоп : Адыгейский гос. ун-т. – С. 204–207. 21. Кушнарера Л. И. Канонические и авторские притчи / Л.И. Кушнарера // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 66. – С. 54–60. 22. Литературная энциклопедия : В 11 т. – Т. 7 / Гл. ред. Луначарский А.В.; Ред. Коллегия: Лебедев-Полянский П.И., Маца И.Л., Нусинов И.М., Фриче В.М. – М. : ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во “Сов. энцикл.”, 1934. – 888 стб. 23. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М. : НПК “Интелвак”, 2001. – 1600 стб. 24. Литературоведение. Литературное произведение, с. основные понятия и термины / Под редакцией Лилии Валентиновны Чернец. – М. : Высшая школа: Академия, 1997. – 337 с. 25. Літературознавчий словник-довідник / За ред. Р.Т. Гром’яка, Ю.І. Коваліва, В.І. Теремка. Друге видання, виправлене, доповнене. – К. : Видавничий центр “Академія”, 2007. – 752 с. 26. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс / Ю.М. Лотман // Статьи по семиотике культуры и искусства (Серия “Мир искусств”) – СПб. : Академический проект, 2002. – С. 314–321. 27. Лотман Ю.М. Мифы народов мира / Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, Е.М. Мелетинский // Мифологическая энциклопедия в двух томах, под ред. С.А. Токарева. – М. : Советская энциклопедия, 1982. – Т. II. – С. 58–65. 28. Мелетинский Е.М. О литературных архетипах / Елеазар Моисеевич Мелетинский. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 1994. – 136 с. 29. Мелетинский Е.М. Мифологические теории 20 в. на западе / Е.М. Мелетинский // Культурология. XX век: Энциклопедия / Гл. ред., сост. и авт. проекта С.Я. Левит; Отв. ред. Л.Т. Мильская. – СПб.: Унив. кн., 1998. – Т. 2: М–Я. – С. 54–59. 30. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Елеазар Моисеевич Мелетинский, 3-е изд., репринтное. – М. : Издательская фирма “Восточная литература” РАН, 2000. – 407 с. 31. Мелетинский Е.М. От мифа к литературе / Елеазар Моисеевич Мелетинский. – М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2001. – 169 с. 32. Мифы народов мира, с.энциклопедия в 2-х томах / Гл. редактор С.А.Токарев. – Т. 1 (А-К), 1987. – М. : Советская энциклопедия. – 671 с. 33. Найдыш В.М. Мифология учебное пособие / Вячеслав Михайлович Найдыш. – М. : КНОРУС, 2010. – 432 с. 34. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности / А.А. Потебня // Эстетика и поэтика. – М. : Искусство, 1976. – С. 464–560. 35. Прокофьев Н.И. Древнерусские притчи и их место в жанровой системе русского средневековья / Н.И. Прокофьев // Литература Древней Руси : Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. Н.И. Прокофьева. – М., 1988. – С. 3–16. 36. Радин П. Трикстер. Исследование мифов североамериканских индейцев с комментариями К.Г. Юнга и К.К. Кереньи / Пол Радин / Пер. с англ. Кирющенко В.В. – СПб. : Евразия, 1999. – 288 с. 37. Снегирев И.М. Русские народные пословицы и притчи / И.М. Снегирев. – М. : Университетская типография, 1848. – 550 с. 38. Столяров М. Миф / М. Столяров // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. – М.; Л. : Изд-во Л.Д. Френкель, 1925: Т. 1. А–П. – С. 453–460. 39. Толкиен Дж. РР. О волшебных сказках [1947] / Дж. РР. Толкиен // Утопия и утопическое мышление. Антология зарубежной литературы / Перевод с англ., нем., фр. и др. языков. Составление В.А. Чаликовой. – М. : Прогресс, 1991. – С. 277–299. 40. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное / В.Н. Топоров. – М. : Издательская группа “Прогресс” – “Культура”, 1995. – 624 с. 41. Тумина Л.Е. Притча как школа красноречия : учеб. пособие / Л.Е. Тумина. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 368 с. 42. Тэн И. История английской литературы (введение) / И. Тэн // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв.: Трактаты, статьи, эссе / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Г.К. Косикова. – М. : Изд-во Моск. унив., 1987. – С. 72–94. 43. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф.Ильичев и др. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с. 44. Френденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра / Подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие НВ. Брагинской / Ольга Михайловна Френденберг. – М. : Изд-во “Лабиринт”, 1997. – 448 с. 45. Чернец Л.В. Литературные жанры (проблемы типологии и поэтики) / Лилия Валентиновна Чернец. – М. : Изд-во Моск. ун-та, 1982. – 192 с. 46. Шляхова Н.А. Общие черты речевых жанров притчи, клятвы и проповеди // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2009. – № 11. – С. 98–102. 47. Элиаде М. Аспекты мифа / М. Элиаде;

- пер. с фр. В.П. Большакова. – 4-е изд. – М. : Академический Проект, 2010. – 251 с. 48. Юнг К.Г. Бог и бессознательное / Карл Густав Юнг / Сост. П.С. Гуревич. – М. : Олимп, ООО “Издательство АСТ-ЛТД”, 1998. – 480 с. 49. Vascom W. The Forms of Folklore: Prose Narratives // The Journal of American Folklore. – Vol. 78, No. 307. – 1965. – P. 3–20. 50. Curtius E.R. European Literature and the Latin Middle Ages / Ernst Robert Curtius / Translated from German by Willard R. Trask. – N.Y. : Harper and Row, Publishers, Inc., 1963. – 658 p. 51. Dégh L. Folk Narrative // Folklore and Folklife, c.An Introduction / Ed. by Richard M. Dorson. – Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1982. – P. 53–83. 52. Folklore: An Encyclopedia of Beliefs, Customs, Tales, Music, and Art / Ed. by Thomas A. Green. – Santa Barbara, Denver, Oxford : Oxford University Press, 1997. – 892 p. 53. Frazer J.G. The Golden Bough: the Roots of Religion and Folklore. – N.Y. : Avenel Books, 1981. – 407 p. 54. Oring E. Folk Narratives // Folk Groups and Folklore Genres. An Introduction / Ed. by E. Oring. – Logan: Utah State University Press. – 1986. – P. 121–145. 55. Simpson J. A Dictionary of English Folklore / Jacqueline Simpson, Steve Roud. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 411 p.